

«ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ»

Театр одного актера имеет историю давнюю и славную. Но никогда прежде он не был так широко распространен, столь многолик, репертуарно разнообразен, богат истинными, как сейчас.

Ленинградцы знают несколько «театров одного актера», иными словами — нескольких актеров, работающих в этой особой, со своими закономерностями, трудной и весьма перспективной сфере драматического искусства. Упорнее и последовательнее всех создает свой театр Виктор Харитонов. В его оригинальных сценических композициях оживала поэзия Михаила Лермонтова и Шандора Петефи, Сергея Есенина, Эдуарда Вагрицкого и Саши Черного, оживала поэзия и ее творцы. Ибо они становились героями драмы, вехи которой запечатлены в строках стихов.

В новом спектакле этапы жизни, борьбы, духовных кризисов и творческих взлетов отмечены полотнами и скульптурами. Ведь герои «Второго рождения» — Б. Кустодиев, К. Петров-Водкин, С. Коненков.

Почему избраны именно они? Ведь рядом с ними творили художники не менее самобытные, личности не менее яркие. Ответ — в названии спектакля. Для каждого из них «второе рождение» ознаменовала революция. Каждый из них пришел к постижению ленинской правды. Пришел своим путем, увидел в образе Ленина нечто свое, особенное, другими не открытое. Три портрета Ленина, обрамляющие сцену в начале и в финале спектакля, — это не только свидетельство преклонения художников перед революцией и ее вождем, это — утверждение новой правды в творчестве мастеров, талант которых достиг расцвета ко времени Великого Октября.

Харитонов включил в свою композицию отрывки из писем, дневников, воспоминаний, документы и множество репродукций живописных полотен, фотографий скульптур. Они воспринимаются здесь как звенья судеб художников, без них спектакль не просто утратил бы зрелищность — он не мог бы состояться.

И когда я читаю на афише: «Автор и исполнитель — Виктор Харитонов», то думаю, что это — сведения неполные. В этом спектакле Малого областного драматического театра есть и второй исполнитель — художник Марк Смирнов. Труд, затраченный им, огромен: сделано свыше сорока копий полотен в размерах подлинников. Но, конечно же, заслуга его не только в тщательном и любовном репродуцировании прославленных полотен. Он создал лаконичный и выразительный образ спектакля, предоставил актеру удобную игровую площадку, облегчив задачу Харитонova точным подбором предме-

тов, характеризующих каждого из героев.

Меньше других «повезло» в этом смысле Коненкову. Да и актерски могучая личность старейшего мастера не очерчена с достаточной определенностью. Полагаю, что причины тут кроются в самом материале композиции.

Харитонов как автор ищет точки наибольшего сближения — это помогает ему прояснить глубинную общность и полюсы наибольшего отдаления, это позволяет обнаружить явные или скрытые противоречия между художниками столь разных темпераментов, вкусов и школ. Там, где это удается, возникает конфликт, без которого немислимо драматическое искусство. Конечно, спол между Кустодиевым и Петровым-Водкиным — не единственный источник драматизма в спектакле. Прежде всего он — в борениях художника со всем, что враждебно искусству, будь то академическая рутинка или физическая немощь (этот мотив придает поистине героическое звучание образу Кустодиева). Коненков же в композиции декларативен, лишен драматического движения. Актеру остается искать лишь внешнюю «расцветку» характера. Но и в этом он, к сожалению, не преуспел.

Фигуры же Петрова-Водкина и Кустодиева, воссозданные Харитоновым, накрепко врезаются в память неповторимостью пластики, интонации, самого жизненного ритма. И главное — Харитонову удалось соотнести характер с творческой индивидуальностью: веришь, что «Купание красного коня» написал именно этот Петров-Водкин, что портрет Шаляпина рожден таким Кустодиевым. Иное дело, что не вся реальная сложность этих самобытных характеров отразилась в спектакле — тому препятствовала уже сама ограниченность «площадки», отведенной каждому мастеру.

Молодому режиссеру Михаилу Левшину предстояло найти форму необычного сценического представления, действительно организовать разнородный материал, добиться органичного введения в ткань спектакля многих десятков репродукций — так, чтобы они никоим образом не превратились в наглядные пособия к лекции по истории живописи и ваяния. Можно было бы, вероятно, пожелать большего разнообразия приемов подачи репродукций, более прихотливого ритмического рисунка (ритм подчас монотонен). Но фантазия и изобретательность режиссера не подлежат сомнению, в главном спектакль выигран, он делает доброе дело. Наверное, в дальнейшем в постановках такого рода будет достигнута истинная гармония. «Второе рождение» — из тех спектаклей, которые прокладывают дорогу.

В. САХНОВСКИЙ-ПАНКЕЕВ

«Звездный Ленинград»
г. Ленинград

18 МАЯ 1970